

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А98

А98 **Книга Дока/Аше Гарридо и Д.** — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-121027-4

«Невозможно помнить о себе, что ты умер, и одновременно верить, что ты живёшь».

Но что, если в это верит кто-то другой? Кто-то, кому очень нужно, чтобы это было так, и кто достаточно упрям, чтобы пойти против обстоятельств, фактов и самих законов реальности?..

Док, руководитель группы секретной службы, намерен вернуть с того света коллегу и любимого человека, погибшего во время последнего задания. Ну, по крайней мере, все в группе помнят, что он погиб. Или не помнят?.. Или помнят, но не все?..

Роман начинается с игры, играет с читателем до последней строчки, дальше читатель играет сам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121027-4

© Аше Гарридо и Д., текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Голубой, розовый, желтый

— **К**упи слона!

Клемс подхватил игру:

— Все говорят «купи слона», а ты купи...

— Да нет, — вздохнул Док. — Вот этого, розового.

Клемс перевел взгляд на прилавок. Слон был розовый, как крем на пирожном.

— Док? — переспросил Клемс. — Ты уверен?

— Я отдам, я, видишь, оставил тут всю наличку, — Док покачал объемистыми пакетами в обеих руках. — А картой не берут. До ближайшего банкомата — и отдам. Будь другом...

— Да без проблем, вот. Но потом сразу обедать. И греться.

— Договорились.

Клемс вынул кошелек и шагнул к прилавку.

— Сколько?

Стоил слон впечатляюще. Для елочной игрушки — даже не смешно. То есть, конечно, бывают и дороже: в стеклянных витринах, на бархате солидных коробок, вызывающе дорогие — каждая потянет на скромное колечко с искоркой. Но слон звезд с неба не хватал и даже

не нацеливался. Ситцевый пестрый цветочек по розовому пластику, куда уж скромнее.

— Дорого, слушай, — Клемс попытался хоть так образумить друга.

— Все говорят «дорого». А ты купи.

— Да мне-то что? Это ж ты покупаешь, считай.

— Я считаю.

— Может, хоть поторгуюсь? Ярмарка...

— Об этом не может быть речи, — отрезал Док. — Давай я тебе прямо сейчас деньги переведу.

Он потыкал пальцем в сенсорный экран телефона, и аппарат Клемса коротким жужжанием сообщил о поступлении денег на счет.

— Всё? Больше вопросов нет? Я покупаю этого слона. Пожалуйста, заплати, пока его кто-нибудь не увел...

Клемс сильно сомневался в том, что кто-то может покуситься на это нелепое сокровище, но медлить больше не стал. Каждый сходит с ума по-своему, друзья в таких ситуациях и познаются. Кто-то сыр медом мажет, а кто-то молочную лапшу на дух не переносит, мало ли у людей причуд. Док может себе позволить что угодно. Клемс не станет уважать его меньше. Да и больше уже, пожалуй, не получится: всё уважение, какое только может вместиться в Клемса, уже в нем, а больше не влезет.

Продавец в перчатках с обрезанными пальцами аккуратно принял деньги, пересчитал, сложил в бумажник. Снял с крючка золотистую петельку и, покачивая розовым слоником в воздухе, свободной рукой расправил бумажный пакет. Крошечный узелок неслышно распустился, слоник как раз взлетел к высшей точке короткой дуги и, ничем более не сдерживаемый, продолжил полет. Клемс готов был поклясться, что в этом

стремительном вознесении было что-то неладное, против законов физики.

Перламутрово сверкнув, розовый слоник выпорхнул из-под пестрого навеса и вознесся над ярмарочной толпой. Док взвился с места, пальцы вытянутой руки сомкнулись точно на беглеце, пригасив розовое сияние.

— Есть, — выдохнул Док. — Цел.

— Да он пластиковый. Не разбился бы. Разве что затоптать могли. И то вряд ли, — ворчал Клемс, подбирая пакеты, которые Док просто выпустил из рук в момент прыжка.

— Спасибо. Но... Ты даже не представляешь, на что они способны, — Док поднес игрушку к лицу, как будто пытаясь посмотреть слону в нарисованные глаза. — Слышь, ты. Не здесь. Не сейчас.

Следующий был голубым в лиловую полоску и стоял даже дешевле, чем выглядел. Клемс пожал плечами и вынул из кармана монеты.

— Буду должен, — благодарно кивнул Док и выжидательно посмотрел на девушку за прилавком, поверх пуховика повязанную кокетливым передничком. Та дернула подбородком — берите, мол, сами. Клемс потянулся к слонику, наполовину торчащему из картонной упаковки, но Док быстрым жестом остановил его.

— С наступающим, девушка, какая вы симпатичная, дайте нам этого слоника, пожалуйста! — отбарабанил он чуть ли не в одно слово.

Девушка хмыкнула, но всё же подцепила игрушку и потянула из гнезда. Слоник выскользнул из озябших пальцев, подпрыгнул и кувыркнулся в воздухе, как буд-

то оттолкнувшись от него уже в полете. На этот раз Док был наготове: его рука в перчатке метнулась наперерез и накрыла беглеца сверху.

— Вот так. Настоящие. Видишь? — он повернулся к Клемсу, ожидая подтверждения. Будто необычайная резвость игрушек должна была о чем-то свидетельствовать.

— Слушай, Док, ты не хочешь мне что-нибудь объяснить? Ну, хотя б немножко, а? Пару намеков, дальше я сам разберусь.

Желтый слон в цирковой попоне и налобнике с кистями стоил вполне адекватно своей категории. Этот не пытался взлететь, но резко взял поперек прилавка — и вниз. Док чудом не разбил лоб, стремительно наклонившись следом. Успел. Погрозил беглецу пальцем и отправил за пазуху, к предыдущим.

— Слушай, Док... Я ведь уже второй час твои пакеты таскаю, если ты не заметил... Мне не жалко, не тяжело, не обидно. Мне любопытно просто, понимаешь?

— Второй час? — переспросил Док. Его лицо передернулось, взгляд заострился, как будто он вынырнул из глубокого транса.

— Ну, условно говоря, второй. Хотя через пару минут начнется третий.

— То есть ты со мной два часа — и с моими пакетами? И ни слова не возразил?

— Ну, я же вижу: нужно человеку, позарез нужно. Слоны такие... вёрткие. Загадка. Но ты же — Док. Тебе положено.

— Пойдем, Клемс, обедать. И греться. Выходим с торжища вон в ту сторону, за углом неплохое местеч-

ко. Мясо там жарят годно и алкоголь выше среднего. Я тебе там расскажу.

Мясо жарили и вправду годно, хрустящая корочка снаружи, вредная и невыносимо соблазнительная, сочная мякоть внутри — опасная, будоражащая самые хищные инстинкты. Клемс рассмотрел еду очень внимательно — и переключился на вино. Затем отставил в сторону полный стакан.

— Давай я сам сначала скажу.

— Ну, так, — согласился Док.

— Я не знаю, что это за слоны такие. Но ты, во-первых, позаботился о том, чтобы покупать их на чужие деньги. Во-вторых, брал только сам и только из рук продавцов. И в-третьих... Что же было в-третьих? Ускользнуло. Но ты взял трех слонов и точка. И проснулся. Всё так?

— Всё так, Клемс. Точно так. В-третьих было то, что мы с тобой не первый год этим занимаемся. Помнишь?

— Не первый? А... какой?

— Еще не десятый, но близко к тому. Каждый год. Три слона. Я покупаю. За твои деньги. Они пытаются удрать. Я не даю. Вспомни, Клемс.

Клемс молчал, тяжело и несдвигаемо глядя Доку в глаза.

— Девять лет?

— Около того.

— Вот так каждый год — ты покупаешь слонов? А я не помню? Да ну, бред. Или нет... Док. Ты ведь — Док. Я бы в такую чушь ни за что не поверил. И память у меня... Ну, ты сам знаешь, проверяют регулярно, мы с тобой, Док, как ломы железные, в нас ломаться нечему. Нет, Док, я бы не поверил. Только вот, если ты это гово-

ришь, значит, так и есть, Док. Я это знаю. Так что, выходит, всё так и есть. И... для чего всё это?

— Всё просто, Клемс, всё просто. Мы собрали стадо слонов. Так?

— И что это значит?

— Ничего не значит. Ничего.

— А...

— Раньше не значило. Но когда мы девять лет год за годом на пред рождественской ярмарке покупаем каждый раз по три слона... Ты вспомни... Вспомни, если можешь. Первые были тихие, бессмысленные. Никто никуда не убегал, не вырывался, не вывертывался. А теперь? Видишь, да?

Док вытащил из-за пазухи по одному, очень аккуратно, всех троих: розового, желтого, голубого. И продолжил вынимать, как фокусник, из-за пазухи, из карманов, из рукавов: белого в пупырышках, золотого, черного в красный горох, изумрудно-зеленого в стразах, ярко-фиолетового... стеклянных, пластиковых, бисерных, из толстого картона. Общего в них было только одно: все они были созданы для того, чтобы украшать праздничную елку. Об этом говорил их размер — величиной с крупный елочный шар, — и на спине маленькая петелька с продетой нитью.

Док доставал и расставлял их на столе с величайшей аккуратностью. Стол поскрипывал и как будто даже прогибался под их тяжестью, и Клемс опять заподозрил отчаянное нарушение очевидных физических законов. Воздух над столом как будто выгнулся и слегка гудел. Или... уже не слегка.

— Что это? — спросил Клемс, невольно подаваясь назад.

— Это стадо слонов, Клемс, — Док, напротив, пригнулся к столу и говорил почти шепотом. — Это оно. Двадцать семь голов. Ты представляешь, что такое двадцать семь слоновьих голов?

— А зачем... нам?

— Видишь ли, Клемс, когда ты умер...

— Я... Что ты сказал, Док?

— Когда тебя ранили в Клиμπο... И мы не донесли тебя до базы, потому что ты... Потому что ты умер, Клемс, потому что ты, черт тебя дерь, умер у меня на руках, и я чувствовал твой чертов последний вздох, и с тех пор... Я не мог дышать, Клемс. Я не мог дышать.

Стол ощутимо подрагивал, вибрация передавалась полу. Клемс чувствовал, что стул под ним кренится.

— Я умер, Док?

Он хотел сказать: ты сошел с ума. Хотел: ты псих, Док, я же сижу и говорю с тобой, как я могу быть мертвым?

Но он не мог ничего такого сказать, потому что глупо было спорить с Доком. От правды не отвертишься, не отмашешься, хоть что себе думай. Правда проходит дрожью по мускулам, гулом в костях, скручивает позвоночник во все стороны разом. В глотке высыхает, и воздух скрипит на зубах. Девять лет?

— Ты не мог сам себя вытаскивать, поэтому поупал я. На твои деньги, потому что для тебя.

— Откуда ты знаешь, что надо именно так?

— Я не знаю. Я сам придумал.

— Ты придумал? Зачем?

— Ты умер, Клемс. Знаешь, что это значит?

— Я не могу прикоснуться к тебе... — растерянно сказал Клемс. — Как я не замечал? Девять, ты сказал?

— Девять, сердце мое. И этот был последний.

— Почему?

— Помнишь, в Климпо, когда взбесились слоны? Разметали деревню в хлам... Стены — как картонки... Девять лет. Двадцать семь слонов, Клемс. Двадцать семь. Стена между нами? Ей конец.

Слоны трубили. Золотые и серебряные, бархатные и бисерные, стеклянные, выточенные из дерева, сшитые из лоскутков, с башенками и погонщиками, в нарядных понохах, с кистями и помпонами, с позолоченными бивнями, в горошек и в клетку, в полоску и в цветочек, с поднятыми к потолку хоботами, они трубили звонче всех труб, глубже всех голосов преисподней.

— Я не знал, что делать. Я просто не мог ничего не делать, Клемс, и не знал, что.

— Неправда, Док, — сказал Клемс убежденно. — Ты всегда знаешь, что делать. Ты — Док.

В мареве, поднимавшемся над столиком и заполнившим уже все кафе, здешнее мешалось с иным. Слоны шли сквозь стены — глинобитные и сложенные из бревен, каменные и бетонные, — взрывая кладку, расшвыривая кирпичи и доски, расщепляя ткань времени и пространства. И Клемс протянул руку и Док положил свою ладонь поверх его ладони, а потом стол взорвался, разлетаясь сотнями щепок во все стороны.

Никого не задело.

Девочки Дока

...**К**ак будто Дока мы потеряли в Климпо, девять лет назад.

С ума сойти — время летит. Как будто вот на прошлой неделе еще мы с ним пахали носом грязь на полосе, или сидели у него и молчали, просто глядя в камин, что еще делать, когда всё друг про друга известно?

Да, всё, хоть он, может, и не догадывался. Но я понимала что к чему. И когда в Климпо у нас случилось минус два, он и Клемс, и лежали рядом в вертолете, я подумала: повезло им, что так. Вроде бы я так подумала.

А у Дока остались три девочки.

И как будто никто не знал об этом. И только вчера вдруг ребята мне их буквально сунули в руки: на.

Я думала, они и забыли давно, что я, в общем, девочка — по крайней мере, когда-то была ею. Но бессознательное рулит, особенно коллективное. Вдруг, ни с того ни с сего, мне вручают этих трех. Спрашивается: что я должна с ними делать?

Отпихиваться и отказываться было бессмысленно. Ясно же, что никто их себе не возьмет, хоть это и Дока «наследство». Хотел бы кто — взял бы. О других его

штуках до споров доходило — кому взять. А девочки никому не нужны.

Странно вообще, что только сейчас о них речь зашла, если Дока уж девять лет как нет.

Странно.

Док такой — язык не поворачивается сказать «был», потому что в это верится с трудом. Как это — девять лет уже его нет с нами? Буквально же вчера... или позавчера? На прошлой неделе, точно, перед самым Рождеством. Что-то мы вместе делали. Может, заворачивали подарки ребятам? Док у нас главный затейник. И вообще с причудами. Ему можно, он самый умный.

Однако такого номера и от него не ожидала: три девочки. Все около двенадцати дюймов ростом, две такие несуразные, головастые, а одна — почти нормальных пропорций; одна из головастых — с тоненьким тельцем, другая пузатенькая, и шапочка на ней с острыми ушками, а улыбка оснащена вполне недвусмысленными вампирскими клычками; та, что почти нормальная, по лицу разрисована черной и красной краской, настоящая кукла-калавера, и рот у нее перечеркнут короткими черными штрихами, как будто зашит. В общем, из трех всего одна нормальная, только рыжая. Это если не считать, что дюйма четыре из ее росточка приходится на голову. А так ничего, волосы рыжие, глаза розовые — дитя как дитя. По сравнению с клыкастой и с черепашкой — покой разуму, отдохновение душе.

В общем, Док в своем репертуаре. Если вам мало странности в том, что здоровый мужик разводит кукол, то нате успокойтесь: куклы сами по себе страннее некуда.

Или я ничего не понимаю, но в моем детстве, когда я была девочкой и возилась не только с машинками

и пистолетами, вот с этими я бы в одной комнате спать побоялась. Хотя и фиг бы сказала кому.

Но теперь — не тогда, теперь я этих к себе взяла почти с радостью. Не знаю, как так вышло, только мне от Дока ничего больше и не осталось, кроме этих вот... И когда же, получается, всё разобрали? А где я была? Вот чёрт, и не помню. Как смыло всё, как будто на песке всё было написано, волна прошла туда-обратно, и нет ничего.

Но Док-то был? Точно был, вот на той неделе мы с ним... Как будто бы.

Нет, я не столько выпила вчера, я столько не выпью. Просто путается всё. Док — он и сам странный такой, и всё вокруг него такое.

И вот я этих его «сироток» домой принесла и на каминной полке устроила.

Что, говорю, сестренки, где ютились девять лет?

Смотрю, платьица на них свежие, не пыльные, не особо и мятые. И такие мимими, такие пусечковые, сил нет, смешно мне стало, что Док своих малявок вот так вырядил: в кружавчики, в оборочки, в фартушки, и всё работы явно ручной, домашней... Надеюсь, он это не сам. Да хоть бы и...

И смотрю на них, люблюсь, а они на меня... Вот так глазами — с недоумением и настороженностью, как будто в упор спрашивают: что ты несешь, дура старая, какие девять лет? Вот так все три в один голос.

Тут меня к дивану и пришилило. И холодом ледяным поверх.

Я чего только не видела. Где только не бывала. Не к ночи будь сказано оно.

Но вот такого, чтобы так — нет уж, увольте. Я не занималась и не подписывалась.

Одна радость, диван подо мной сухим остался, и это правда чудо.

Выдохнула потихоньку, смотрю: ничего такого, куклы как куклы. Странненькие, страшненькие, но ничего пугающего в них нет. Ух. Тьху. Ничего себе. Ладно, наблюдаю, мало ли — может, проверяться пора.

И тут же забыла об этом.

Дело к ночи, праздники отгуляли, режим. В спальню их, конечно, не потащила, еще чего. И не потому что испугалась. Просто — есть куклы для спальни, а есть вот такие. Для каминной полки. Здесь им и веселее — вон, на елке ангелы, пусть им глазки строят, а я как-нибудь лучше эротических снов посмотрю, с мужиками, пляжами и прибором, да.

Ну, мне всё так и приснилось: пляж не пляж, а песчаный берег, и рука на нем как будто буквы пишет, а волна туда-обратно проходит и смывает написанное, я разобрать не успеваю. Рука мужская и вроде знакомая, такая знакомая, что мне не по себе даже во сне стало. Вспомнить пытаюсь: тот, что с родинками на щеке из Штральзунда? Или бритый из Милана? Или Бобби? Или кто вообще? Так и так про эту руку думаю, к себе прикладываю, на бедро, на живот, на грудь... Не прикладывается. Так умаялась ее вертеть, что и проснулась.

И когда проснулась — поняла. Не могла эта рука никогда ко мне так... приложиться. Потому что. Потому что это — Док. Его рука. Я сто раз видела, как он вот так по карте... Это он.

Всё, сна ни в одном глазу, лежу, как доска, прямая, гулкая... И пытаюсь вспомнить: что же там написано было? Что за буквы смывала волна? Не отпускает. Ни вспомнить, ни забыть... И три девчонки Дока на туалетном столике — смотрят на меня, не отводят горящих глаз. Какой уж тут сон...

А вот какой: как будто Док сидит на берегу, волны перед ним катятся наискось, мелкие, тоненькие, не поймешь — море, река ли. Я его со спины увидела, как он смотрит вперед — а там туман непроглядный и, кажется, непроходимый. И потому не разобрать, что там за вода. А затем как будто камера переместилась — и мне его показывают с лица, и он так ладони отряхивает и смотрит как будто в камеру и говорит... уверенно так и гладко, как в рекламном ролике, что жить ему тут хорошо и ничего ему не нужно, никуда он не собирается отсюда, совершенно счастлив, что это вот тутешнее — всё, о чем он мечтал. И по улыбке его широкой, доверительной понимаю, что попал Док крепко, о чем мне и сигналил. Видимо, на случай, если меня зрение подвело и я не вижу, что у него за спиной.

А за спиной у него стройные пальмы машут плюмажами по ветру, бугенвиллеи и фламбояны полыхают аж наизнанку выворачиваются, калибри сверкают летучими драгоценностями, и всё бы ничего, только шагах в ста за ними — тот же непроходимый туман стоит до неба.

Ох, думаю, Док, довыдрючивался... Проснулась — и думаю. Что же ты, Док, такой благостный, перед кем изображаешься? Кто тебя на камеру снимает и мне транслирует — как пленного или заложника. И почему сейчас, не девять дней — девять лет спустя после твоей гибели, вот и сиротки твои брошенные... И чувствую, на правое запястье мне будто надавило что-то. Крепко так надавило, прижало к постели. Как дышала, так и дышу, будто не заметила, будто сплю. Веком не дернула, ресницей не дрогнула, прислушиваюсь. Ничего не скрипнет, не шуршит, только одеяло едва-едва проминается, как будто кошка по кровати идет. Только кошки никакой нет у меня. Маленькие шажки, крохотные ножки.

И на правое запястье — как будто наступили маленькой ножкой.

И проснулась — в том неконтролируемом ужасе, какой у меня и может-то быть только во сне и на выходе из сна. Не могу рукой пошевелить. Ни одной, ни другой. Потому что на правом запястье у меня стоит Рыжая, на левом Кровопийца, а Черепушка у меня на груди топ-топ-топ, тум-тум-тум — марширует, перебивая сердечный ритм. Я посмотрела в ее глаза и узнала, что умираю прямо сейчас.

И тут дверь открылась и в спальню заглянул Енц.

— Эй, Ягу, спишь?

Я поняла, что сплю, и проснулась.

Никого не было на моей кровати, кроме меня и одеяла, и на нем никаких следов, только на груди как пригоршня синяков рассыпана, как будто по бронежилету отстрелялись из чего-то не очень мощного... И Енц тут как тут, хмурится, смотрит с подозрением.

— Тебе что, тоже сегодня досталось?

— Тоже? — переспрашиваю его, растирая грудь. — Что значит «тоже»?

Он только хмыкнул, качнул рукой — иди, мол, за мной, — и вышел из спальни. Я свитер поверх пижамы натянула — то ли дом выстыл, то ли меня еще от сна трясет. И за ним, в гостиную, к камину.

— Сначала мне снилось, что мы опять в Климпо... И всё безвыходно, ни туда ни сюда. И Док придумал направить слонов на их позиции, и они с Клемсом ушли в буш... А потом они лежали рядом, кровь уже не текла, вертолет всё не летел, и я вот всё это видел, как наяву, оно повторялось и повторялось, я понимал, что что-то не так, чем дальше, тем сильнее понимал, но что именно не